противостояли рамкам ложноклассической драматической схемы, однако они находились где-то на границе интересов возникающего разночинного читательского слоя, светских и духовных учителей, бедных купцов и ремесленников, оскудевшего поместного дворянства, которое еще не утратило связи с народом и было средоточием борьбы против создателей официальной «высокой» печатной литературной продукции. В широких кругах читателей обращались древние и новейшие рукописи, важную роль играли лубок и раек.[5] Короче говоря, читатели уже вдохновлялись великим творчеством русского народа, а не только авантюрными «романчиками», о которых писал в 1792 г. Дуриху Добровский (он наткнулся на них, по-видимому, в купеческой среде).

Творцы былин создали могучий образ богатыря-крестьянина Ильи Муромца — прямого антагониста византийского царя-солнца (roi soleil) с его неверной женой и придворными щеголями типа Чурилы Пленковича. Почти ничего не могла противопоставить этому образу богатыря «северная Семирамида» в «Записках о русской истории», где ее «nordische List», несмотря на просветительскую фразеологию, направлялась против исторической критики самодержавия. Прославление царизма в литературе придворных виршеплетов, пусть с технической стороны достигавшей уровня Державина, обезвреживалось народным эпосом. «Государство — это я», анахронистический лозунг Людовика XIV, исповедуемый екатерининским двором, постоянно и недвусмысленно отрицался русским народным творчеством, которое доказывало, что государство принадлежит вечной силе — народу. Пугачевское восстание могло достигнуть такого размаха лишь потому, что эта вера всегда жила в народе. Интерес Пушкина к фигуре Пугачева вырастает из неприязни к царице-немке, которая позволила убить мужа и разрешала своим фаворитам грабить Россию; у Пушкина чувствуется восхищение повстанцем, выросшим из народа, подобно богатырям былин. В этой же плоскости следует рассматривать суждения о «Слове о полку Игореве», принадлежащие Пушкину и Мицкевичу. «Слово» было открыто в момент господства того течения, которое в истории литературы обозначается термином «сентиментализм» или «преромантизм». В этом памятнике действует герой, представляющий таинственную силу народа: это — вещий Боян, противостоящий князьям, которые, несмотря на раздоры, олицетворяют самодержавную власть. Это почувствовал уже Карамзин, как видно из его заметки в «Spectateur du Nord» (1797). Сам историк самодержавия увидел противовес самодержавию в народе, интересы которого выражает Боян. Это обстоятельство в «Слове» подчеркивали декабристы,

---

[5] См.: Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.—Л., 1936, стр. 14; П. Н. Берков. Русская народная драма. — В кн.: Русская народная драма XVII—XX веков. Изд. «Искусство», М., 1953, стр. 20.